

ГАЛА НАУМЕНКО

Мой Париж - Галерея

Гала Науменко

Мой Париж – Гомель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48478688

ISBN 9785005065339

Аннотация

Новую книгу психолога и писателя Галы Науменко составили сказки-фэнтези о родном городе Гомеле. В серых буднях привычной жизни иногда так трудно найти повод для радости! Но вот мы берем кисти воображения, краски магии слова – и город оживает! Исцеляются вековые раны, зажигаются творческим огнем сердца горожан. Быть может, следующим героем правдивой фэнтези-истории станешь ты?!

Содержание

Медитация	5
МОЙ ПАРИЖ – ГОМЕЛЬ	7
ДВЕ БЕСЕДКИ В ДВОРЦОВОМ ПАРКЕ	10
СТАРАЯ СКАМЕЙКА В ПАРКЕ	14
БАШНЯ В ПАРКЕ	18
РЕЧНОЙ ВОКЗАЛ	25
Медитация	28
ЛОДОЧНИК	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мой Париж – Гомель

Гала Науменко

Иллюстратор Татьяна Горбачевская

© Гала Науменко, 2019

© Татьяна Горбачевская, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-6533-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Медитация

«Ротонда в городском парке» Т. А. Горбачевская

«Долгожданная Встреча»

Закройте глаза. Глубоко вдохните, выдохните. Спокойно дышите. Представьте, что вы оказались в этой картинке, в самом сердце нашего парка, в одной из двух ротонд. Вы стоите в середине беседки под её полукруглым куполом. В парке поют соловьи. Вы вдыхаете запах цветов. Вы проводите рукой по гладкой колонне. Вы полны предвкушения долгожданной встречи. Каждая клеточка вашего тела полна уверенностью и радостью. Вы точно знаете, что сейчас появится Он. Ваш мужчина. И Он появляется. Он заходит в ротонду и останавливается перед вами. Вы смотрите друг на дру-

га. Встреча произошла. Дальше миг узнавания. Мечта сбылась... Глубоко вдохните, выдохните. Откройте глаза.

МОЙ ПАРИЖ – ГОМЕЛЬ

Я живу в Гомеле. Это такой небольшой город в Беларуси.

Я родилась в Советском Союзе, мне нравится говорить на русском языке и считать себя русской особенного оттенка. Принадлежность к Достоевскому и Пушкину, Санкт-Петербургу и Владивостоку, Алтаю и Тянь-Шаню, Ломоносову и Циолковскому, Гребенщикову и Майку Науменко и т. д. и т. п. Это моя родина.

Белоруссия, тогда еще Белоруссия, была в моем сознании лучшей частью страны. Белая Русь. Чистая Русь. Часть Руси, которая светится. По раздирающей сердце причине. Войны последних веков прошли через нее. Выкосили, вытоптали, опустошили. Жгли, жгли, жгли. Страна пепла и невидимых слоев памяти коллективного бессознательного.

Гомель – перекресток дорог слева направо и сверху вниз. В других городах история хранится в архитектуре. История Гомеля – в ее отсутствии.

Почему весь мир знает Париж? Представим. Приезжает турист в Париж. Его подводят к Эйфелевой башне и говорят: «Смотри, это Эйфелева башня. Ты не поверишь, какая история с ней связана!». Потом ведут к Бастилии. Снова: «Чувак, смотри, Бастилия! Если б ты знал, что здесь было!». Еще интереснее посетить Мулен Руж: «Такие люди, такие люди! Даже кино сняли с Николь Кидман! Если с Николь Кидман,

значит, стоящее место, так? Конечно, так! А если мы дойдем до Лувра, я вам столько историй расскажу!». Весь город пронизан негой любовных сюжетов, рассказанных голосом Фанни Ардан и Жюльет Бинош.

Вы замечали за собой такое явление: вам показывают какую-то вещь, чашку, например, или браслет, вы смотрите, и вас не цепляет. Ну вот совсем. Чашка как чашка. Браслет как браслет. Но как только вам скажут: «О-о-о! Эту чашку слепил из глины с сандаловой пылью сам Буковский! Он подарил ее возлюбленной, и всякий раз, когда она пила из нее, по вкусу кофе она угадывала, жив ли ее любимый. Однажды она сделала глоток, вскрикнула и уронила чашку. Кофе был настолько горьким, что она поняла – любимый мертв! Видите, вот здесь на ободке скол!» «А вот этот браслет – не смотрите, что он такой невзрачный – сделан из какого, вы думаете, камня? Из метеорита, упавшего в жерло вулкана! Миллионы лет он вбирал в себя огненную страсть планеты, а когда вулкан изверг его из себя, был найден охотниками из племени румаон. Во время мужской инициации его надевали юноше и отправляли к женщине. Энергия планеты, ну и женщина, делали из него настоящего мужчину!». Вы держите в руках обыкновенную чашку и обыкновенный браслет, но видите в них то, чего не видели минуту назад. Вы видите в них «Вау!». Или по-русски: «Ух ты! Ничего себе! Едрен-батон!» Вот что делает история животворящая. Еще я считаю, что история – это не факты. Это рассказы о фак-

тах. А в любой рассказ примешиваются интерпретации, эмоции, установки, фильтры восприятия рассказчика. И вот уже от факта осталось только красное платье. Остальное – фантазия и, на мой вкус, это прекрасно!

Подводим итоги сказанному. Гомель – не Париж в основном потому, что о нем не придумали сотню-другую историй. Рассказчику не к чему было их привязать, а без материальных привязок, высеченных в камне, трудновато.

Но! Когда нас останавливали трудности?! Тем более так гораздо интереснее.

Мои рассказы о Гомеле сто процентов будут правдой.

Правда-правда. Моей правдой.

ДВЕ БЕСЕДКИ В ДВОРЦОВОМ ПАРКЕ

В Гомеле есть парк. И Дворец. Так как это самое видное и самое насыщенное на истории место, мы будем приходить сюда много-много раз.

Начнем с беседок, поскольку с них начался наш город. Вернее город начался с Реки и ее притока, а беседки, ротонды – памятник событию, с которого начался наш город. Представьте: полноводная река, лесистые берега. Один берег крутой, другой – пологий. Справа по течению реки впадает маленькая речушка, разделяя крутой берег на две половинки. Августовское солнце заливает землю светом и медом. Мимо летят два ангела. Ярило и Леля. Попадают под теплые лучи вечернего солнышка, жмурятся и сквозь туман ресниц замечают внизу изумрудно-янтарную палитру.

– Красота! Нет, ну действительно, красота! – говорит Ярило Леле. – Спустимся на минутку? Вкусим медку?

Леля соглашается. Они опускаются на Землю, едва не проваливаются по пояс в щедрые медовые потоки, хохочут, бегают по глади воды, кормят белочек орешками. Занимаются любовью. Еще бы: светловолосый голубоглазый вечно молодой Бог и чистая светлая нежная Богиня.

От их любви распускаются подснежники и ромашки. Одновременно.

Усталые, они колышутся на волнах вместе с прилетевшими с небес белыми лебедями.

– Леля, ты торопишься?

– Да не особо. Голубей накормила, по полянкам побегала, свой образ в венке в инстаграм запостила. Еще руну нежности нарисовать, но это успеется.

– Тогда иди ко мне, моя девочка, – низким голосом говорит Ярило, притягивает к себе Лелю, обнимает и засыпает, бормоча что-то вроде: «Буду, скоро буду... через пять тысячелетий... ну через десять... Что, как всегда? Почему как всегда?». Через минуту спит и Леля. Ей снится ее свадьба. Белое атласное платье. Букетик маков. Кружится голова. То ли от черного пиджака жениха, надетого на его голый торс. То ли от того, что Ярило, не колеблясь, говорит:

«Да». Их прозрачные тела, видные только небожителям, таким же, как они, источают любовь, удовлетворенность и веру в правильный выбор партнера и укрывают ближайшие леса охранным куполом...

По Реке плывет лодка. Она почти проходит мимо притока, как вдруг резко поворачивает к высокому берегу. В лодке человек десять. На корме бородатый мужчина и женщина с грустными глазами. Ругаются. Сильно.

Она: Ты обещал довести нас до моря! До моря! Это море? Где ты видишь море?

Он: Я обещал, я доведу! Куда оно денется?! Но сначала

к берегу. По-быстрому. Нужда у меня!

Она: Нужды твои велики, жизнь моя коротка!

Он: Женщина, мое терпение еще короче, замолчи!

Лодка пристает к берегу. Люди выбираются из надоевшей посудыны. Кто по нужде, кто ноги размять. Женщина идет вдоль притока, любовного гнездышка богов, любит белыми птицами. Садится на корточки у воды, набирает ее в ладони, умывает лицо. Тотчас ее взгляд становится ясным, щеки розовыми, дыхание прерывистым. Она оглядывается, видит своего мужчину, выходящим из кустов. Подбегает к нему, хватая за руку, подводит к воде. Зачерпывает воду и льет прямо ему в лицо. Взгляд мужчины становится ясным, щеки розовыми, дыхание прерывистым. Он прижимает женщину к себе и шепчет ей в самое ухо: «Бэби, давай здесь задержимся. Или нет, лучше останемся. Здесь столько...» Он не может подобрать слово к чувству, которое испытывает впервые в жизни.

«Любви», подсказывает женщина и целует его.

Люди остаются здесь жить. Рожают детей. Дети вырастают. Уезжают жить в другие места. Но возвращаются. Дети детей тоже уезжают. Но тоже возвращаются. Когда у них заканчивается запас кислорода в сердце. Если привыкаешь дышать любовью, трудно привыкнуть к другому составу воздуха.

На двух берегах притока Реки Сож, ныне Лебяжьего пруда, дети детей поставили две беседки в честь Ярило и Ле-

ли, наполнивших любовью и светом эту изумрудно-янтарную землю. Как приятно, когда хранители вашего (то есть нашего) города – боги света и любви.

Влюбленные приходят в эти беседки, чтобы получить благословение хранителей города, поболтать с ними о том о сем.

А что, я разве не сказала?! Хранители проснулись!

СТАРАЯ СКАМЕЙКА В ПАРКЕ

Скамейка в парке возле спуска к Лебяжьему пруду старая. Очень старая. Если внимательно присмотреться к железным ножкам в целом деревянной скамейки, то вы увидите, что они проросли сквозь бетонные плиты прямо в землю.

Сиденье и спинка скамейки сделаны из множества досок, выкрашенных коричневой краской. Цвет краски выглядит сложнее, там и бордовый оттенок, и терракотовый. Удивительный цвет, название которого хранится в архиве дворца между залоговыми документами и набросками статуй Афродиты и Бахуса.

Кажется, что под действием дождей, снегов и жары краска облупилась. Но это не так. Причина, как всегда, в людях. В пресловутом человеческом факторе. Те, кто в теме незаметно для окружающих, но настойчиво и настырно обколупывают дощечки. Денно и ночью. Из года в год. Зачем?

Они ищут одну единственную досточку. Она отличается от всех остальных. Ее история глубже самого глубокого колодца и уходит своими водами в амброзию в чашах олимпийских богов.

Как мы знаем, Дионис был не прочь выпить и потусить в хорошей компании. Вино для девочек, пиво для мальчиков. Травка. По молодости мешал первое, второе и третье. Вино, пиво и травку, а не то, что вы подумали. Поэтому Дио-

нис не сразу заметил, что на его флейту клюют только нисейские нимфы с ярко выраженным материнским инстинктом. А хотелось-то пленить дерзкую легкокрылую Ириду! Помог, как всегда, Гермес, бог тайных знаний и путешественников. С шестого уровня бытия, где существуют законы сотворения вселенной и вечные вещи, которые никто никогда не создавал, он достал Гитару. Это был верный ход. При первых звуках «Nothing else matters» трепетный взгляд королевы бала остановился на Дионисе. Дионис играл, как бог. Да что это я, бог и играл. У кого гитара – тот и бог.

Внимание женского Олимпа переключилось с Аполлона на Диониса. Аполлон обиделся. Аполлона понять можно. Что с того, что ты бог любви, если самая красивая девочка не твоя?! Украл он Гитару и с воплем «секс, наркотик, рок-н-ролл!» низвергся на Землю. И сразу очаровал земных красоток блюзовым квадратом в тональности ля. Кожаные штаны, опять же. Так начался первый тур Гитары по Америке.

Дальше Гитара попала к странствующим трубадурам, вызывающим недоумение тех, кто не в теме. Как? Как принцесса может быть очарована товарищем осла и петуха? Чем он ее взял? Отдельной кибиткой? Расстегнутой верхней пуговицей на красной рубахе? Мы-то с вами знаем наверняка. И пуговицей, и теми же штанами. Но в первую очередь звуками божественной Гитары.

Потом Гитара попала к Джимми. Не Чакраборти. С Танцором Диско вообще грустная история произошла. Ему Ги-

гитара приснилась. От радости он проснулся, схватил свою гитару, заиграл. Не та. Хрясь ее тыльной стороной ладони по полам, да за сломанный гриф – и об стенку. Зарекся играть на гитаре. Еле дядя уговорил его играть и петь хотя бы в рамках болливудского мира.

Так вот. Попала Гитара к Джимми Хендриксу. Слушали его с Олимпа Дионис с Аполлоном и с нежностью в голосе говорили: «Наш мальчик!».

Затем Гитара оказалась у Курта Кобейна. Ненадолго. До первого концерта. На мелкие кусочки зрелищно и безумно разбил Курт Гитару. Улетели волшебные щепки в зрительный зал и дальше.

Кому достались? А кому в этой жизни везет? Правильно, смелым, страстным, влюбленным и кто больше унести может. А если ты все сразу, как Саша Цыганок, то вот тебе талант и профессионализм, а городу – артефакт. Кусочек божественной материи из храма музыки.

Вот он, второй кусок из разбитой Гитары и находится в скамейке. Многие музыканты приходят в парк, дожидаются, пока разойдутся отдыхающие, садятся на скамейку и потихоньку отковыривают краску. С одной дощечки, с другой. Ищут ту самую. От Той самой Гитары.

Я вот тоже: одной рукой пишу, а другой тихонечко, стараюсь не привлекать внимания ни прохожих на дорожке, ни музыкантов в кустах, отколупываю кусочки краски. Вдруг найду. Подарю обожаемому дяде Боре. Будет ему «День радо-

СТИ».

БАШНЯ В ПАРКЕ

В парке недалеко от Лебяжьего пруда стоит башня. В свое время ее замаскировали под заводскую трубу. Тщательность маскировки оправдана. Что будет, когда горожане узнают, что башня – место контакта с инопланетянами? Было это так. Иваныч и Петрович дорабатывали свою смену. Ну, как дорабатывали, убедились, что дрова горят, искры летят, закрыли котельную и пошли к башне.

Любили они в ночную смену выбраться из жаркой котельной в прохладу летних сумерек, забраться под самый шпиль башни и под разговоры за жизнь смотреть, как загораются звезды. Был у них один секрет – самодельное радио с антенной из проволоки, закрученной спиралькой. Никто из начальства и других смен про радио не знал. Кому охота лезть по трубе тридцать метров ютиться на маленьком выступе, разглядывая невесть что, невесть зачем.

Иваныч с Петровичем все под себя организовали: термос, когда с чаем, когда с чем покрепче; шахматы на случай облаков и радио. Иногда удавалось поймать музыку. Тогда к шороху и треску радиоэфира добавлялись звуки звездных сонат. Разговоры из умных переходили в сердечные, а потом и вовсе смолкали.

Так вот, сидят они на выступе, назовем его смотровой площадкой, пялятся по сторонам, чай пьют, подпевают ра-

дио: «Лав ми тенде, лав ми свит...», как вдруг Иваныч поворачивается к напарнику:

– Петрович, глянь сюда, это мне кажется, что звезда к нам приближается или взаправду?

А уже и отвечать не надо, и так видно, что движется прямо к башне что-то в огнях и искрах. Не звезда. Не самолет. Не опознается. Но летит. Объект какой-то. Словом, неопознанный летающий объект.

Зависает прямо перед смотровой площадкой и свою площадку выпускает. Открывается дверь, а из нее выходит... слава богу, ни робот в камуфляже, ни осьминог в скафандре. Похожий на человека, только чуток размытый. Голова с темным чубом высоким, ноги-руки, костюм белый, рубашка с глубоким вырезом и поднятым воротником, штаны клеш, словом, не страшный совсем. Продолжает петь песню голосом из радио: «Энд ай лав ю со...» и переходит на чистый русский:

– Как хорошо, мужики, что вы эту башню охраняете! Иваныч поставил чашку, поднялся, протянул руку гостю:

– Иваныч.

Гость замялся.

– ...Называйте меня Большой Эл... Или, нет, попроще как-то... Эдик.

Иваныч и Эдик пожали друг другу руки, потом Эдик поздоровался с Петровичем. Сели. Налили. Выпили. Еще налили. Выпили. Наконец Иваныч не выдержал:

– Эдик, ты инопланетянин?

– Да, – просто ответил Эдик.

– А зачем ты прилетел? Поработать нас? Использовать нас как батарейки?

Эдик хихикнул неожиданно тонким девичьим голоском и немного растекся в контурах:

– Иваныч... Ты свою котельную любишь?

– Естественно.

– Когда догадался проволоку вокруг палки закрутить и увеличить длину антенны, довольным был?

– А то!

– Чай тебе твоя супружница делает с лимоном и ложкой бальзама, как ты любишь?

– Дык!

– Иваныч, какая с тебя батарейка! Тебя ж не за что ухватить. Тем более что энергия везде. Мы с ней дружим.

Эдик щелкнул пальцами, и огонек голубоватого пламени осветил его смуглое лицо.

– Тогда что ты здесь делаешь? – настойчиво переспросил Иваныч.

– Я проверяю безопасность свитка, – ответил Эдик, понизив голос.

– Какого свитка?

Эдик помолчал. Налил чаю и начал рассказ:

– Вы, наверное, знаете, что вселенные создаются по высшим законам. Есть вселенные, где главный закон – закон чи-

сел, есть вселенные, где главный закон – геометрические фигуры. Ваша и наша вселенные создавались законом музыки. Музыкальной гармонии.

– А я догадывался, – пробормотал Иваныч и тихонечко промычал: «Черный во-о-орон, что ж ты вьешься над мое-ею головой...» Эдик продолжил:

– В тот самый момент, когда появилась наша Вселенная, возник свиток. На нем – мелодия. Если ее проиграть, Вселенная разрушится. Как только любое творение получает код рождения, оно тут же получает код смерти. Наши хроники описывают рождение и гибель трех вселенных. Всякий раз появлялся Великий Музыкант, который успевал за свою жизнь сыграть все возможные мелодии. Единственной недоступной для него мелодией оставалась эта из свитка. Настоячиво и обреченно он искал свиток. В конце концов, находил, играл ее, и всему наступал конец. Трижды.

Мы хотим жить вечно. Ведь иметь код смерти и воспользоваться им – это разные вещи. Мы не хотим им пользоваться. Мы не хотим, чтобы им воспользовался, пусть самый что ни на есть Великий Музыкант. Сколько раз мы пытались уничтожить свиток. Просили цивилизацию драконов сжечь его утробным пламенем; умоляли фей засыпать его тоннами волшебной пыли; даже уговорили рептилий сожрать и переварить свиток. Хоть бы что. Цел и невредим.

Тогда мы стали думать, куда его спрятать. Планеты нашей Вселенной заселены. На кометах слишком пустынно. Хоте-

лось, чтобы присмотр был. Хоть какой-то. Прилетели к вам. Сначала в пустыню попали. Глядим, там люди почти голые, босые, из огромных каменных глыб дом строят. Мы им быстренько помогли, да так увлеклись, что штук пять построили. Как себе строили, большие, треугольные, только окна забыли сделать. Но местным понравилось. Не успели мы на корабль вернуться, как они кого-то уже заселять начали. Стены украшать, вещи заносить.

Полетели мы дальше. Летим. Вода. Земля. Лес начался. Вдруг смотрим – прямо над лесом купол. Кажется, совсем тонкий, на ветру колышется. Подлетели ближе, а он такой прочный, защитный, и такой... к ласке восприимчивый. Прошли мы сквозь него, внизу река. На ней, как на водяном матрасе, лежат двое. Он и она. Божественной красоты пара. Спят. Обнимаются. Купол, понятно, от них. Энергетический. Любовного характера. Лучшего места для тайника не найти. Чуть в стороне от реки лежит камень. Мы под него немного подрыли и спрятали в нору свиток.

– Так просто? – изумился Иваныч.

– Хочешь спрятать понадежнее, положи на видное место, не так ли у вас говорят, – засмеялся Эдик. – Кто в здравом уме будет искать свиток под обычным камнем? Никто. А почему? Потому что артефакты в храмах прячут, шамбалах, пещерах. Обязательно покрытых семью печатями. К тому же изучили мы схемы поиска Великого Музыканта. Музыкант он хоть и великий, а вот с ориентацией на местности у него

так себе. Я лично проверял раз в сто лет сохранность свитка. Как-то прилетаю, смотрю, возле камня крутится человек. Думаю, раз защитный купол его пропустил, значит, хороший человек. Познакомились. Его, кстати, тоже почти Иванычем звали. Федорычем. Иваном Федорычем. Рассказал я ему о свитке. Помолчал он минуту и говорит: «Я на этом месте школу построю. Или даже училище! Лучше! Завод! Я построю завод! А в аккурат над камнем – башню! Эйфелеву! Нет, не Эйфелеву. Тогда туристы понаедут. Захотят отковырять на память кусочек красоты. Глядишь, и растащат башню на сувениры, а там и до свитка недалеко. Я как-нибудь потом Эйфелеву башню подальше построю. Как отвлекающий маневр. А здесь, раз уж завод будет, скажу всем, что это труба! Котельную сделаю, мужиков найму охранять башню. Они и не догадаются ни о чем. Котельная-то настоящая будет!». Попрощались мы с Федорычем, и я улетел. Вот сто лет прошло, я здесь. Хороший мужик, Федорыч, сдержал слово. Вижу, свиток на месте. С вами хорошо, да надо двигаться. Непокойно на дальних рубежах.

Эдик встал. Поднялись Иваныч с Петровичем. Молчат. Ощущают торжество момента.

– Ну что, до встречи через сто лет, – заговорил Эдик.

– У нас столько не живут, – усмехнулся Иваныч.

– А я вам мелодию подскажу, будете слушать ее почаще.

Глядишь, не раз еще свидимся.

Эдик тронул антенну, и к звездам понеслись божественные звуки маленькой ночной серенады...

Иваныч и Петрович допили чай, выключили радио и спустились на землю. Петрович присел на корточки. Положил ладонь на влажный, заросший мхом камень у основания башни. Удовлетворенно крикнул. Встал. Отряхнул руки и неизвестно кому в утреннюю тишину прошептал:

«Айл би бэк...»

РЕЧНОЙ ВОКЗАЛ

Я сказала речной вокзал?

Перепутала. Клуб «Немо». Конечно, «Немо». Столики, стульчики, цветочки. Салаты с морепродуктами, говядинка с грибочками. Джаз живой по выходным.

Но если мы будем настойчиво смотреть в окна клуба, снаружи, конечно, то ли сквозь прозрачную органзу стекла, то ли сквозь годы нашей памяти, проступят очертания речного вокзала. Зайдем в него. Пустой зал с обшарпанными стенами, открытая касса.

– Нам, пожалуйста, 4 билета на «Ракету» до Хаток.

– Пожалуйста. 4 билета до Хаток.

Почему 4 билета? Да потому что нас четверо! Маша, Даша, Паша, Саша.

Все знакомые уже давно в Хатках, и только эти четверо задержались в городе.

Да вы, наверное, не знаете ни Боровую, ни Плесы, ни Хатки. А жители нашего города кому за 30 знают. Остановки на берегах реки. Для взрослых – дачи, для молодежи – первые походы. Для расслабленных по жизни – палаточный городок с марта по октябрь. Например, в Хатках. Понятно, что надо ехать.

Но вот какая арифметика: Паша любит Машу, а Маша любит Сашу.

Машу можно понять. Саша носит круглые очки, как у Джона Леннона, играет на гитаре и поет «Аделаиду» Гребенщикова звонче самого Гребенщикова. Но и Пашу можно понять. Маша солнечная, с длинными ногами и, хоть и умная, не умничает. Всех можно понять, а в целом Санта-Барбара.

За дело берется специалист. Даша.

– Ой, мальчики, какие вы веселые! Ой, какие смешные! А давайте выйдем на остановку раньше, на Боровой... Ой, а ведь это была последняя «Ракета». Придется ночевать здесь, а утром первым рейсом в Хатки. Что? У нас ни палатки, ни спальников? Зато есть плед! Огромный, метр на метр. На четверых. И консерва. Гуляем!

Закат. Теплая река. Даша купается. Прекрасная нимфа в алмазных каплях воды – зрелище не для 16-летнего юноши. Да что я говорю, именно для 16-летнего юноши самое зрелище!

Ой, что это попало Даше в глаз! Так не вовремя! Помочь некому. Почему некому? Как раз Паша с костром на берегу возится.

– Паша! Паша!

– Что такое?

– Посмотри, что-то в глаз попало.

– Да вроде ничего нет.

– Как нет ничего?! Смотри внимательно... Ой, чуть

не упали! Упали! Какая теплая вода, правда?

И вот они плавают в реке, такой узкой для двоих, что приходится буквально касаться друг друга. А потом сушат одежду, кутаются в один плед. Сменной-то одежды с собой нет.

Кто ж знал, что все так повернется!

К утру Паша называл Солнцем уже другую звезду, а у Маши появилась возможность ознакомиться со всем репертуаром Бориса Борисовича Гребенщикова в исполнении Саши...

Первая «Ракета» привезла ребят, перемешанных, но не проясненных, в гомельский Вудсток, Хатки.

Берег Хаток обрывист и высок. Ребята почти поднялись к палаточному лагерю, как вдруг пораженно замерли. Сверху вниз по обрыву медленной поступью спускалась серая в яблоки лошадь.

Эпическая картина. В основном из-за всадника. Стройной мускулистой лошадью правил прямой, как стрела, величавый мужчина. Шинель на голое тело. Плавки были. Плавки и шинель. Всадник остановил лошадь в полуметре над ребятами. Одной рукой держал поводья, другой он поднял Машу на свой уровень, поцеловал в лоб, поставил на то же место, развернул лошадь и, не говоря ни слова, так же спокойно поднялся по обрыву и уехал в лес.

– Что это было? – спросила Маша у местных зевак, то ли уже проснувшихся, то ли еще не ложившихся спать.

– «Это» был Батон. Король Хаток. А поцелуй – посвяще-

ние. Теперь у тебя все в жизни будет хорошо. А если Батон захочет помыть руки, ты даже сможешь поддержать его ши-нель.

Романтично? Еще бы! Такое дело: вся романтика начина-ется с речного вокзала...

А теперь вот «Немо». Но то ли близость реки, то ли па-мять места, здесь, как и прежде, перемешиваются влюблен-ные, и кто знает, может именно тут создаются самые гармо-ничные пары. Уж самые романтические пары – это точно.

Медитация

«Кораблики на реке» Т. А. Горбачевская

«Возвращение лёгкости»

Закройте глаза. Глубоко вдохните, выдохните. Спокойно дышите. Представьте, что вы оказались в этой картинке. Летнее солнышко согревает прибрежный песок. По воде скачут солнечные зайчики. Свежий ветерок колышет нежную листву деревьев. Вместе с ароматом разнотравья вы вдыхаете лёгкость и негу. Как воздушный шарик вы наполняетесь беззаботностью, непринуждённостью. Жить снова легко!.. Глубоко вдохните, выдохните, откройте глаза.

ЛОДОЧНИК

Благодаря романтическим фильмам типа «Сумерки» мы хорошо относимся к вампирам, оборотням и прочим брутальным юношам.

Между тем возможность превращаться всю жизнь в одно и то же животное – так себе магическая способность.

То ли дело, когда к совершеннолетию мама научила тебя разбирать свое сознание на молекулы и собирать его мгновенно в теле любого зверя, птицы или кузнечика прямокрылого. Захотел ты, скажем, узнать, проснулась ли твоя возлюбленная. Можно, конечно, позвонить, узнать и даже бонусом получить адрес, куда тебе идти в это летнее утро. А вселился ты в птичку на веточке у ее окна и увидел сквозь шторы, что спит твоя милая. Переливчато сопит и даже говорит с тобой во сне: «Кто ты? Сережа? Миша?».

Любит тебя.

Или захотелось тебе на концерт «Депеш Мод» в НьюЙорк в сентябре. Где Нью-Йорк, а где ты! А тут раз – и ты в мухе. Сиди себе тихонечко перед носом Гаана, лапками притоптывай, крылышками прихлопывай.

Одна тонкость: где находится сознание животного, которого ты так меркантильно используешь. Большинство магов владели волшебным заклинанием: «Цыц!», и животное смиренно сидело где-то в рептильном мозгу и не отвечивало.

Отдельные мастера, относящиеся с буддистским сочувствием ко всем живым существам, отправляли сознание зверушки в свое собственное тело. Живое существо от неожиданности застывало, иногда бежало, реже балдело. В общем краткосрочный бартер.

Вернемся в город. А именно к скульптурной композиции «Людочник» в центральном парке и истории, с ней связанной.

Жили в древнем Гомеле две богатые семьи – Радимичи и Дреговичи. Не то, чтоб сильно враждовали, но поделить мирно рынок меда как-то не могли.

В те дальние времена, кто владел медом, тот владел миром. Продукты питания, фармакология, косметология, стройматериалы, бытовая химия и еще ряд отраслей держались на меду. Кое-кто из новаторов пытался перевести на мед и животноводство, но не заладилось, кони дохли.

У Радимичей подрастала дочь Луша, красавица, косы в пол, характер любознательный, способности к ветеринарии. У Дреговичей, соответственно, сын Лукьян, с пламенным сердцем и ясным взглядом. Весь в маму-ведунью. Она и научила сына в птиц-зверей вселяться, высоко в небо соколом подниматься, по прохладной земле ужиком скользить. А чтоб маменькиным сынком не дразнили, носил колчан со стрелами, типа охотник крутой.

Случилась как-то по осени в городе ярмарка органической продукции, без ГМО, красителей и ароматизаторов. Са-

мо пахнет и всеми цветами радуги переливается. Взрослые затариваются на зиму, молодые веселятся.

Вот уже и вечер наступил. Прохлада близких заморозков. Красна девица Луша почти синяя. От того еще более хрупкая, прозрачная, неземная. Не каждый может оценить такую красоту. А Лукьян может. Такую, считай, всю свою жизнь и искал. Стоит как обухом по голове стукнутый, глаз от Луши отвести не может. Друзья заметили, ржут, на, говорят, флягу с медовухой, согрей девушку. Смешался Лукьян, а тут еще его отец подходит. Суровый мужчина.

– Увижу, что ты с Радимичами путаешься, наследства лишу, ноги вырву.

Тут подбежали к Луше подружки краснощекие, где-то котенка рыженького отыскали, играют с ним, хохочут, друг у друга отнимают. Взяла Луша котенка, гладит, приговаривает:

– Ты ж мой хороший, ты ж мой пушистый. Был бы ты мой, я б тебя холила, я б тебя лелеяла. Жил бы в моей комнате, спал бы на моей кроватке, на ночь сказки мурлыкал. Где-то на словах о сказках на ночь и комнате девичьей Лукьян свой план и придумал.

Надо проникнуть к Луше домой в облике какого-то животного.

Котики сразу отпали. Птички, бабочки, щеночки. Мишишность всякая. Лукьян задумал не умиление вызвать у девы, а впечатление произвести. Чтоб не разовое свидание

устроить, а долгосрочные любовные отношения.

«Уси-пуси, какой зайчик» – не для настоящего мужчины. Волк, медведь – солидно. Но еще напугает Лушеньку. Лось, олень – гордо, величаво. Но неудобно как-то ни ему, ни с ним. Лукьян снова вспомнил, как Луша держала котенка, перебирала шерстку, терлась щекой о мордочку, и вдруг его осенило: «Рысь!» Та же кошка. Девочкам нравится. Мягкая, пушистая. Но кто-бы решил, что она «уси-пуси», пусть встретится с ней хотя бы взглядом. Рысь – настоящий мужчина!

Тем же вечером Луша, укладываясь спать, обнаружила в своей постели мурчащую рысь. Ей бы испугаться, да глаза рыси были такими умными, можно сказать, интеллигентными, с цитатами Сократа в радужке, что Луша ни на секунду не засомневалась – перед ней человек. Судя по бесконечной нежности мурчания – человечище. Коротко говоря, все у них сладилось. В редкие минуты свободы от надзора родительского влюбленные встречались безо всякой магии. Насыщенные были у них отношения. Насыщенные и разнообразные.

Да только хотелось Луше замуж. Официально. С кольцами и девичником. Так, мол, и так, засылай, Лукьян, сватов. Лукьян к папе. Тот в ярость: «Я ж предупреждал о наследстве и ногах!». Потом смягчился: «Есть у тебя уже невеста. Сегодня и познакомитесь». Ушел к себе Лукьян и рысью к Луше. Расстроилась Луша, виду не подает, за ушком че-

шет, успокаивает. То да се, забыл Лукьян о предстоящем семейном мероприятии. Уснул.

А где же в это время была недостающая часть рыси – сознание? Оно находилось в теле Лукьяна. Первый раз, попав в незнакомую обстановку, сознание удивилось, второй раз залюбопытничало, в третий раз – понравилось! Ух, как понравилось! Столько возможностей. Голубоглазых, кареглазых, ммм, зеленоглазых... Все неохотнее возвращалось сознание рыси домой. Все больше крепло у нее желание остаться в сладком теле юноши. Да Лукьян-то сильнее. Когда в сознании. Бодрствующем. Не спящем. Не как сейчас, когда спит Лукьян под теплыми ручками любимой.

Чудесную невесту нашел папа Лукьяну. Замечательную. Правда-правда. Все как нравится рыси: живые зеленые глаза, огненная копна волос, остренький язычок и ушки. Ткнул папа сына в бок: «Да?». Закивал радостно сын: «Да!». Вытащил папа из кармана колечко и незаметно отдал сыну. Впору пришлось колечко невесте. Не по нашим обычаям, но достала и невеста колечко. Одела жениху. Сговорились.

Проснулся Лукьян, тревожно на душе: «Дай-ка я, Лушенька, к себе ненадолго вернусь». Ан, нет никакого «к себе». 30 килограммов шерстяного мяса и есть отныне «к себе».

С тех пор эти трое «в одной лодке». Лукьян с рысью связан магией, Луша с Лукьяном – любовью. Что, собственно говоря, является самой что ни на есть магией. Высшей ма-

гий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.